

УДК 008:2:783.6(476.6)

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПЛАНЫ И РЕАЛИИ (НАЧАЛО XX В.)*канд. ист. наук, доц. А.И. ГАНЧАР**(Гродненский государственный аграрный университет)*

Рассматриваются вопросы административно-территориального устройства Римско-Католической Церкви на территории Российской империи на основе новых архивных данных. Отмечается, что римско-католическое духовенство (высшее и низшее), а также чиновники от правительства неоднократно предпринимали попытки изменения границ римско-католических епархий, но в силу разных причин положение дел существенно не изменялось. Освещен вопрос возобновления деятельности Минской римско-католической епархии.

Ключевые слова: римско-католический, Церковь, епархия, епископ, духовенство, Российская империя, территория, закон.

Введение. В начале XX в. к Римско-Католической Церкви (далее РКЦ) в Российской империи принадлежало более 10 миллионов человек. После изменений структуры управления РКЦ они входили в две архиепархии: Могилевскую (Виленская, Тельшевская или Самогитская, Луцко-Житомирская и Тираспольская епархии) и Варшавскую (Августовская или Сейнская, Калишская, Люблинская, Келецкая, Плоцкая и Сандомирская епархии) [1, с. 37].

В этот период резко увеличилось число запросов римско-католического (далее р.-к.) духовенства к правительству Российской империи с ходатайствами по изменению порядка управления РКЦ в империи [2, с. 145].

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью данной темы в отечественной и зарубежной историографии. На сегодняшний день отсутствует детальное рассмотрение политики правительства Российской империи и иерархов РКЦ в области организации нового территориально-административного разграничения р.-к. епархий, а также комплексная характеристика мотивов чиновников и клира.

Основная часть. Увольнение без прошения Виленского р.-к. епископа С. Зверовича и удаление его из епархии побудило министра внутренних дел Д.С. Сипягина вникнуть в обстоятельства, вызвавшие такую чрезвычайную меру, и в условия, порождавшие подобные кризисы, главным образом в г. Вильно. Поручение было адресовано непосредственно директору департамента духовных дел иностранных исповеданий (далее ДДДИИ) А.Н. Мосолову (апрель 1894 г. – май 1904 г.).

Виленская р.-к. епархия (далее ВРКЕ) еще в царствование Николая I доставляла правительству Российской империи немало затруднений и с 1841 г. по 1848 г. оставалась без епископа, вплоть до заключения договора с Римским двором. За последние 39 лет это был третий случай насильственного смещения и удаления из г. Вильно р.-к. епископа: в 1863 г., в разгаре событий восстания, был сослан в г. Вятку епископ Красинский; в 1886 г., вслед за восстановлением правильного иерархического управления, епископ К. Гриневицкий, незадолго перед тем назначенный, после 20-ти летней вакансии был сослан в г. Ярославль; наконец, епископ С. Зверович после 7-ми летнего управления ВРКЕ был удален в г. Тверь (до своего назначения в 1867 г. С. Зверович два года управлял епархией в качестве капитульного викария). Такое положение вещей, по мнению директора ДДДИИ А.Н. Мосолова, ясно свидетельствовало, что виленское р.-к. епархиальное управление за последнее сорокалетие было постоянным очагом смут, готовым вспыхнуть при первой возможности.

Личные свойства епископов не имели при этом значения. Так, епископ Красинский до своего назначения славился умеренностью направления; на К. Гриневицкого Римская курия во время предварительных переговоров смотрела как на правительственного чиновника и с ужасом, по заверению директора ДДДИИ А.Н. Мосолова, встретила предложение правительства о назначении его епископом. Кандидатура К. Гриневицкого была принята лишь вследствие особой настойчивости правительства и под угрозой прервать дальнейшие переговоры о соглашении. Не прошло, однако, и трех лет как «этот потомок униатских священников стал в открыто враждебные отношения и к местным властям, и к всему русскому». Наконец, случай с епископом С. Зверовичем. Этот «прямодушный человек, умевший ладить с генералом Троцким», являлся на празднество в память графа М.Н. Муравьева. После продолжительной поездки за границу для лечения, он быстро изменил своё отношение и решительно выступил против натиска православия в защиту р.-к. веры.

Подробности последнего столкновения по поводу послания епископа С. Зверовича к духовенству ВРКЕ против церковно-приходских школ все более убеждали директора ДДДИИ А.Н. Мосолова, что в основе этого столкновения лежали побуждения, вытекавшие исключительно из борьбы за преобладание двух исповеданий. Эта вековая борьба, по убеждению директора ДДДИИ, всегда имела главным сосредоточением г. Вильно. Иначе и быть не могло, так как г. Вильно был центром католического просвещения среди

некогда православного населения. Совершаясь с переменным успехом, эта борьба завершилась в 60-х гг. XIX в. «нашим», из слов министра, окончательным торжеством, совпавшим с самым сильным пробуждением народного самосознания. С этой минуты правительство Российской империи не могло ограничиться внешними признаками победы и вникло в сущность отношений к католицизму и полонизму.

В г. Вильно произошел, по утверждению директора ДДДИИ А.Н. Мосолова, самый полный разгром р.-к. церковного управления. В течение 20 лет после подавления восстания епархиальное управление было в руках местных властей, проникнутых крайним раздражением против р.-к. духовенства и всех р.-к. церковных установлений. Здесь возникли, выработались, были применяемы и постоянно вновь изменялись разнообразные исключительные постановления против католицизма, постепенно распространенные на все почти местности с р.-к. населением.

Это движение породило своеобразное противодействие со стороны р.-к. духовенства и особый вид правонарушений, неуловимых для действующего закона. В период расстройств р.-к. духовной иерархии противодействие это было постоянное, но глухое, так сказать из-за угла. Но всякий раз, когда разрозненные части организма спланивались и иерархическое устройство крепло, борьба обострялась. При епископе К. Гриневицком она разыгралась на почве вмешательства светской власти в права власти церковной, а при С. Зверовиче – на почве вторжения православия в самое сердце католицизма, то есть в обучение р.-к. детей православными.

Действительно, сколько можно судить из слабых оправданий С. Зверовича и из имеющихся сведений, в одной Виленской губернии возникло в к. 90-х XIX в. – нач. XX в. до тысячи церковно-приходских школ и школ грамоты, независимо от ранее бывших министерских школ. «Зорко следя за успехом русской школы», р.-к. духовенство прекрасно осознавало, какое значение для католичества в крае будет иметь такое развитие «русско-православной школы» и, почувствовав под собой колеблющуюся почву, оно, в лице своего руководителя, предпочло произвести «преждевременный взрыв».

Хотя данное пробуждение католического фанатизма проявилось почти внезапно, но при наблюдении за всеми явлениями жизни Западного края, по заверению директора ДДДИИ А.Н. Мосолова, было несомненно, что в близком будущем роковое столкновение должно было произойти. При этом естественно встает вопрос: если так, почему же правительство его не предотвратило, если могло предотвратить?

В качестве причин этого директор ДДДИИ А.Н. Мосолов обозначил следующие: невозможность отказа от священных своих прав и измене своему историческому призванию; то есть, правительство должно было бы круто изменить в пользу полонизма всю многолетнюю политику в крае, для «успокоения которого и приобщения к общей русской жизни было пролито столько крови и потрачено столько благородных усилий» [3, л. 3-3 об.].

Тем не менее, следуя советам благоразумия, правительство по возможности отдаляло обострение религиозной вражды. 20 лет назад ради исповедного мира по всей Западной окраине Российской империи оно «восстановило правильную» р.-к. иерархию. Затем устраняло самые стеснительные для католиков правительственные меры, но противникам этого было недостаточно. Они, по заверению директора ДДДИИ А.Н. Мосолова, неустанно домогались восстановления прежнего своего преобладания под видом требования равноправия или терпимости. Резкость, с которой выступил Виленский р.-к. епископ, только обнаружила, по мнению директора ДДДИИ А.Н. Мосолова, истинные чувства и виды р.-к. иерархии.

При очевидной невозможности круто изменить всю правительственную систему в северо-западных губерниях и пренебречь в пользу католиков правами и преимуществами православной церкви представлялось совершенно невозможным оставлять в силе существовавшее в г. Вильно положение вещей, по словам А.Н. Мосолова, тормозившее роковым образом самый ход истории.

Увольнение и высылка епископа, повторяясь систематически и создавая правительству врагов, не устраняла ни поводов и средств к противодействию, ни текущих затруднений по установлению епархиального управления. На протяжении всего этого времени, около 40 лет, правительство утверждало, что Западный край должен быть русским, что г. Вильно – русский город. На доказательство этого были потрачены огромные средства и употреблены все умственные силы империи, между тем ему приходилось охранять в том же г. Вильно, по словам А.Н. Мосолова, главный «естественный оплот силы, враждебной православию и русской народности – управление р.-к. епархией».

Невольно рождался вопрос: мог ли католический епископ, верный своему призванию, будучи окружен сонмом церковных сановников в кафедральном капитуле, в консистории, в профессорах семинарии, видя себя предметом искательства со стороны притаившегося польского дворянства, при взгляде на вековые, господствовавшие над городом святыни, устоять против всех искушений заступничества за веру, то попираемую, то угрожаемую по понятиям всех этих лиц?

Непосредственный начальник А.Н. Мосолова министр внутренних дел Российской империи Д.С. Сипягин (26 февраля 1900 г. – 2 апреля 1902 г.) вполне соглашался с мнением своего подчиненного: «Буква закона о господстве в России православной веры не достаточно сама по себе вразумительна для среды, привыкшей к вековому господству. Необходимо уничтожить эту среду или переместить ее в дру-

гие условия, необходимо, сделать Вильну действительно русским городом. Единственное для этого средство – упразднение Виленской епархии» [3, л. 4 об.].

Не подлежало сомнению, что упразднение такой древней (существовала с 1308 г.) и многолюдной епархии было бы мерой очень чувствительной для РКЦ, и что мирные с нею отношения на продолжительное время нарушатся. Но следовало иметь в виду, что эти отношения несомненно уже были поколеблены с минуты вызова епископа С. Зверовича в г. Санкт-Петербург и удаления его в г. Тверь.

По имеющимся данным, МВД с уверенностью отмечало, что о предстоявшем епископу С. Зверовичу решительном шаге в Риме знали или догадывались. После своего там пребывания епископ не раз высказывался перед своими советниками, что он готов принять мученический венец, чтобы спасти паству, он уверял и в Петербурге, что католики желают только мирно пользоваться милостями государя, осуществлению которых препятствовали местные власти и православное духовенство. По-видимому, и время для начала борьбы было выбрано не без расчета на внутренние настроения в империи. По крайней мере и в бытность свою в г. Санкт-Петербурге епископ С. Зверович утверждал, что и сами русские сочувствовали угнетенным.

Д.С. Сипягин пытался убедить Николая II, что упразднение ВРКЕ вынуждаемое обстоятельствами явится именно такой мерой и даст правительству возможность относиться впредь и к приходскому р.-к. духовенству, и к самой р.-к. пастве с большим доверием и снисходительностью. В этом убеждали МВД получаемые с места сведения о том, что далеко не все р.-к. священники готовы были слепо следовать указаниям своего епископа в борьбе с русской школой.

Это упразднение несомненно, по заверению Д. С. Сипягина, развязало бы руки местной власти и устранило из местной общественной жизни то острое напряжение и раздражение, которые составляли отличительную особенность северо-западных губерний Российской империи. В защиту данного положения Д.С. Сипягин приводил многочисленные предположения бывших генерал-губернаторов, направленные к ослаблению влияния р.-к. духовенства в крае, на проекты виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора И.С. Каханова (1884–1893 гг.), на меры генерал-губернатора П.В. Оржевского (6 апреля 1893 г. – 31 марта 1897 г.) и на всеподданнейшие записки генерал-губернатора В.Н. Троцкого (1897 г. – 9 мая 1901 г.). Д.С. Сипягин полагал, что если бы малая часть их настоятельных представлений была бы осуществлена, то никакое епархиальное управление не могло бы существовать сколько-нибудь самостоятельно: «Между тем, с упразднением в г. Вильно римско-католического епархиального управления, большая часть этих мер, в сущности неосуществимых и несогласимых с началами церковного устройства и управления, ни с нашими законами о веротерпимости, была бы излишней» [3, л. 6].

Что касается местных губернаторов, то гродненский губернатор Н.П. Урусов (29 января 1901 г. – 28 апреля 1902 г.) признавал упразднение ВРКЕ вполне необходимой мерой, отвечавшей современному положению вещей, а виленский губернатор В.В. фон Валь (2 октября 1901 г. – 15 сентября 1902 г.) хотя и не усматривал необходимости приступить к упразднению епархии, но проектировал такие меры, как перевод виленской р.-к. духовной семинарии в какой либо другой, «чисто русский город», и перемещение священников в другие епархии, то есть меры, по мнению Д.С. Сипягина, равносильные тому же упразднению, но совершенно неосуществимые.

В то же время устройство «правильного» церковного управления в г. Вильно было бы затруднительно и малополезно при том религиозном возбуждении, которое было посеяно епископом С. Зверовичем. Будучи уволенным от должности одной высочайшей властью, он, уезжая в г. Тверь, не сложил с себя власти духовной, дарованной ему главой РКЦ. Вероятно, как это бывало и прежде, перед отъездом в ссылку он передал свои полномочия одному из членов капитула. Между тем правительство этих полномочий признать не могло, а капитул не счел бы себя вправе избирать при жизни епископа капитульного викария, да и состав виленского капитула по своему направлению был таков, что ни на одном лице нельзя было остановиться. В такое же затруднение был бы поставлен и митрополит, когда на него возложили бы избрание временно управляющего епархией.

Но, допуская даже возможность устроить это дело, нельзя было не предвидеть насколько затруднительно было бы положение этого временного администратора: отменить силу епископского послания он был не вправе, а местные власти потребовали бы от него воздействия на непокорных священников. Опять создавался тот заколдованный круг, из которого правительство так давно искало выхода. Только полное, по мнению министра внутренних дел Д.С. Сипягина, бесповоротное упразднение ВРКЕ положило бы преграду всем этим долготлетним неустройствам и вывело бы само р.-к. население из ложного положения: «Недовольны будут только польские помещики из местных политиканов и те виленские прелаты, которые, пользуясь выгодами своего положения и прикрываясь авторитетом епископа, сеяли в течение десятилетий смуту» [3, л. 7].

Д.С. Сипягин не смог решить, как лучше было бы устроить церковное управление приходскими упраздняемой епархии. Сделать это без соглашения с церковной властью было нельзя, так как епархии суть установления церковные, но во всяком случае на первое время забота об этих приходах по церковным правилам выпадала на долю митрополита р.-к. церквей в Российской империи, а вот на его «благоразумие»

можно было вполне положиться. Д.С. Сипягин полагал, что со временем, после тщательного изучения местных потребностей, правительство сообразит, не лучше ли отделить приходы Виленской губернии к Тельшевской епархии, а гродненские – к Луцко-Житомирской. Но для этого в то время не было еще положительных данных и было неизвестно, какое положение приняло бы в этом деле Римская курия. Однако опыт упразднения в 60-х гг. XIX в. трех р.-к. епархий – Яновской в Царстве Польском и Каменецкой и Минской в Российской империи – доказал вполне наглядно, что это дело было вполне осуществимое.

Наконец, относительно отношений правительства с Римской курией Д.С. Сипягин предполагал, что упразднение ВРКЕ, совершившееся в условиях явной самозащиты, не будет иметь особенно «дурных» последствий: охлаждение и так имело место, не взирая на внешние любезности. Оно началось со времени решительного отклонения миссии Тарнасси также предполагалось ее усиление с введением поверочных испытаний по русским предметам в семинариях Царства Польского и, наконец, по поводу настоящего столкновения. Д.С. Сипягин выразил сожаление, что предлагаемые правительством Римской курии услуги не приносят существенной пользы. Епископы не придерживались примирительных указаний, когда находили это для себя стеснительным. В вопросах же конфессионального свойства, как в данном случае, Римская курия была не в состоянии оказать правительству Российской империи поддержку, так как ее симпатии, естественно, были на стороне епископов, как защитников РКЦ. При таких условиях и в виду неизбежности столкновения политическая мудрость указывала на необходимость извлечь из него положительные выгоды для спокойствия в будущем. «Во всяком случае, – отмечал Д.С. Сипягин, – готовность наша поддерживать доброжелательные сношения с Римской курией остается вполне доказанной за минувшие 20 лет и, если б даже взаимные отношения наши от упразднения Виленской епархии временно расстроились, польза, ожидаемая от осуществления этой меры, значительно перевесила бы возможные временные затруднения» [3, л. 8].

Указанные выше меры, которые надлежало бы принять в случае упразднения ВРКЕ, были изложены министром внутренних дел Д.С. Сипягиным 25 марта 1902 г. в представляемом проекте высочайшего указа Пр. Сенату. 9 апреля 1902 г. Николай II повелел отложить решение данного вопроса на некоторое время, озаботившись назначением временного администратора [3, л. 1, 8 об.]. Вероятно, на это решение значительное влияние оказало убийство 2 апреля 1902 г. министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Ему был вынесен смертный приговор, и приговор этот привёл в исполнение С. Балмашёв, член боевой организации эсеров, явившийся в помещении Государственного Совета в офицерской форме, якобы с пакетом от великого князя Сергея Александровича на имя Д.С. Сипягина. Когда Д.С. Сипягин взял пакет в руки, С. Балмашёв произвел пять выстрелов, от которых Д.С. Сипягин через час скончался. В своих воспоминаниях С. Е. Крыжановский (государственный секретарь с 20 октября 1911 г. по 3 апреля 1917 г., а в то время вице-директор хозяйственного департамента МВД, 1901–1905 гг.) отмечал: «Это был прямой потомок той московской знати, полурусской, полутатарской, крепок и телом и духом, и твердой верой и в преданности царю. Это был последний боярин старой Московской Руси» [4, с. 158].

12 декабря 1904 г. именным высочайшим указом Пр. Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» п. 6, для закрепления выраженного в одноименном манифесте 26 февраля 1903 г. (ПСЗРИ-3, ст. 22581) желания охранять терпимость в делах веры, было признано неотложным подвергнуть пересмотру узаконения о правах лиц, принадлежавших к инославным и иноверным исповеданиям. Независимо от этого надлежало принять в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения [5, с. 1197, ПСЗРИ-3, ст. 25495].

Вскоре после этого акта (1904 г.) митрополит могилевский Георгий Эдвард Иосиф Шембек (1851–1905 гг.) вручил министру внутренних дел обширный меморандум, требующий изменений в отношениях между правительством Российской империи и РКЦ. В меморандуме он представил стеснения, не позволявшие РКЦ нормально функционировать. Среди них важнейшими являлись: запрещение непосредственных контактов со Святейшим Престолом; необоснованные вмешательства в религиозные дела р.-к. духовной коллегии – неканонической с точки зрения костельного права; большая территориальная обширность р.-к. епархий при малой численности епископов и священников; упразднение монастырей; цензура даже в отношении деятельности проповедников; манипуляция служащими консистории; зависимость местонахождения духовенства внутри епархии от воли местных губернаторов; репрессивные меры, применяемые к священникам, получившим негативную оценку местной полиции [6, с. 32].

Меморандум не вызвал непосредственных перемен. Однако он являлся, несомненно, одним из ключевых документов, учитывать которые приходилось светской власти. В высочайшем указе 12 декабря 1904 г. в п. 6 император повелел подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от этого принять в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения [6, с. 33]. Высочайше утвержденным 11 февраля 1905 г. положением Комитета министров Российской империи было предоставлено министру внутренних дел, без замедления и во всяком случае не позднее трех месяцев со дня утверждения данного положения, распорядить-

ся отменой всех стесняющих свободу исповедания и не основанных прямо на законе административных распоряжений, от каких бы начальств они не исходили, и принять действительные меры надзора к тому, чтобы никакими административными учреждениями и лицами впредь не устанавливалось каких-либо стеснений в области религии, в законе не установленных. В тоже время если из числа стеснявших свободу исповедания веры административных распоряжений оказались бы такие, применение которых и впредь, по соображениям государственного порядка, министр внутренних дел признавал необходимым, то на утверждение их он должен был испросить через Государственный Совет высочайшее соизволение [7, с. 113, ПСЗРИ-3, ст. 25812].

Во исполнение императорской воли Комитет министров выработал положение «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. Для подробной разработки и направления затем в законодательном порядке прочих, кроме особо указанных в этом и других положениях и порученных к исполнению министрам, изменений в действующих узаконениях, касавшихся веротерпимости, а также для обсуждения на основании соображений Комитета министров других, вытекавших из п. 6 высочайшего указа 12 декабря 1904 г. вопросов, учреждалось Особое вневедомственное совещание. Председателю, избранному доверием императора, дано было право приглашать к участию в суждениях совещания лиц, которые могли содействовать своими знаниями и опытностью успешному ходу дела, а равно представителей подлежащих исповеданий и религиозных общин [7, с. 261, ПСЗРИ-3, ст. 26126].

Положение, занимаемое по силе действовавшего законодательства РКЦ в Российской империи, ставило ее в ряд правительственных государственных учреждений, а р.-к. духовных лиц, поскольку они занимали духовные должности, приравнивало к должностным лицам, состоящим на государственной службе, как это и было подтверждено указом Пр. Сената от 15 мая 1906 г. № 197, положившего в основание получение р.-к. духовенством штатного содержания от казны, зависимость от светской власти при назначении на должности, применение правил Устава о службе гражданской при награждении р.-к. духовенства орденами и отправкой в командировки [8, л. 6].

В 1907 г. министром внутренних дел П.А. Столыпиным (26 апреля 1906 г. – 5 сентября 1911 г.) вновь был поднят вопрос об упразднении ВРКЕ. Но императорский посланник при Св. Престоле в своем доверительном письме директору ДДДИИ Владимирову от 27 ноября/10 декабря 1907 г. за № 331 отказался проводить намеченную линию: «Что сказать Вам о впечатлении, произведенном на меня местом Вашего письма, в котором Вы упоминаете о возможности, в крайнем случае, возбуждения вопроса об упразднении Виленской епархии? ... Вопрос этот был возбужден незадолго перед смертью Д.С. Сипягина А.Н. Мосоловым и поэтому для меня не нов. Отношение мое к нему не изменилось и я продолжаю смотреть на него как на правонарушение, на которое ни одно европейское правительство не может отважиться без умаления своего достоинства и ущерба для своего доброго имени. Со стороны практической, его ближайшим последствием был бы разрыв со Св. Престолом. Для подобной политики здесь понадобился бы другой представитель, ибо она идет в разрез с моим представлением о наших интересах и об обязанностях правительства к его инославным подданным» [3, л. 10].

В самом Риме, по заверению князя Волконского от 19 июля/1 августа 1911 г., были заметны проявления того мнения, что в России наблюдаются стеснительные мероприятия по отношению к католическому населению. Причём не только в местных газетах, но и в «Правительственном вестнике» участились материалы о карах, налагаемых на представителей р.-к. духовенства, главным образом на основании ст. 17 Уст. дух. дел ин. исп., по продолжению 1906 г. Подобные же нападки в отношении председателя Совета министров и других окружавших его сановников, по замечанию Волконского, не соответствовали традициям Римской курии. Кроме того, кардинал статс-секретарь, при недавнем свидании вовсе не затрагивал вопроса о русско-ватиканских отношениях [3, л. 14–14 об.].

20 сентября 1911 г. управляющий МВД С. Крыжановский писал А.А. Нератову: «Хотя, действительно, в 1902 г. в министерстве и возбуждался вопрос о возможности упразднения Виленской епархии, однако, вопрос этот, своевременно отложенный, ныне на разрабатывается. Очевидно, что означенное упразднение целой епархии лишь обременило бы соседние епархиальные управления в явный ущерб интересам р.-к. населения, которые, без сомнения, вызывают всемерную заботливость, как равно и интересы иных иноверцев в России со стороны её правительства, руководствующегося в делах веры исключительно мыслями об удовлетворении религиозных потребностей, к которым принадлежат отдельные его части» [3, л. 18 об.].

В подведомственных начальникам р.-к. епархий Могилевской митрополии имелись обширные и многолюдные приходы, р.-к. население которых было отделено от приходских костелов большим расстоянием. Католики отдаленных местностей в течение целых месяцев не в состоянии были посещать костел и, оставаясь без богослужений, без слова Божия, по выражению самих управляющих, «нравственно дичали». В таких приходах требоисполнения, как напутствие больных, были сопряжены с большими затруднениями для прихожан и с громадной затратой времени для священника. Если в таких приходах имелся другой костел, кроме приходского, или каплица, то духовным иерархам виделось необходимым назначать туда постоянного священника, выделить ему определенный район из прихожан, тяготевших к

этому костелу и поручить ему совершение всех треб в пределах района, чтобы прихожане не были вынуждены обращаться за требоисполнением к приходскому священнику. В виду этого начальники р.-к. епархий Могилевской митрополии 20 октября 1911 г. просили министра внутренних дел сделать зависящее распоряжение, чтобы администрация не препятствовала учреждению при костелах и каплицах, имевшихся в приходах, определенных районов и не делала препятствий к пребыванию при них постоянного священника.

По докладу 13 января 1912 г. министру внутренних дел А.А. Макарову данного «пожелания» последний отметил, что образование в р.-к. приходах «районов» при костелах и каплицах зависит от усмотрения епархиальных начальников в отношении поручения р.-к. духовенству данного прихода обслуживать прихожан, проживающих в той или иной части приходской территории, поскольку такое поручение не имеет характера постоянной приписки к церкви определенной населенной территории. Определение же новых территориальных границ, в смысле как образования нового прихода, или развёрстки приходской территории между несколькими находящимися в ней церквами, так и принудительного закрепления прихожан в отношении требоисполнения при определенном храме, на точном основании ст. 20 Уст. ин. исп., может происходить не иначе, как с разрешения МВД [9, I. 24 об., 38 об.].

28 июня 1912 г. митрополит р.-к. церковью Российской империи могилевский архиепископ В. Ключинский (7 апреля 1910 г. – 25 августа 1914 г.) обратился с ходатайством к министру внутренних дел А. Макарову (20 сентября 1911 г. – 16 декабря 1912 г.) по вопросу о разделении могилевского р.-к. архиепископства. Не существовало в мире большей епархии столь громадной по пространству и столь разнообразной по народностям, как Могилевская р.-к. архиепархия (далее МРКА). Пространством простиралась она на всю Европейскую и Азиатскую часть Российской империи. Пространство и разнородность В. Ключинский считал двумя главными недугами МРКА, особенно в последнее время, когда Сибирь, Туркестанский край и Приамурская область постепенно заселялись переселенцами из разных стран государства, когда народности усиленно добивались в религиозной области особых для себя прав и преимуществ, когда даже гражданские власти систематически усиливали свой надзор за РКЦ, ее служителями, ее языком, богослужением, совершением треб, поучениями внутри и вне костелов, преподаванием Закона Божия в учебных заведениях, поступлением в духовный сан, перемещением и назначением священнослужителей, их народностию, их отношением к населению, к господствующей Церкви и пр. при этом, по замечанию В. Ключинского, законы Российской империи не только увеличились количественно по отношению к РКЦ, но изменились и качественно, лишив времени архиепископу отвечать на все правительственные запросы, вынуждая его адресовывать их к менее компетентным в данных вопросах лицам.

Все это, естественно, неблагоприятно сказывалось на управлении приходами и надзором за р.-к. духовенством МРКА, особенно сибирскими. В свою очередь и прихожане, в виду отдаленности от них места постоянного пребывания епископа и консистории испытывали некоторые затруднения при удовлетворении своих религиозных нужд. Поэтому В. Ключинский просто не мог не признать целесообразным учреждение для азиатской части России самостоятельной р.-к. кафедры, тем более, что в виду подавляющего количества в азиатской России жителей некаатолического исповедания, открытие новой епархии вряд ли могло бы повлечь за собой какие-либо осложнения в национальном или политическом отношении. Учитывая эти обстоятельства, митрополит В. Ключинский просил министра внутренних дел поспособствовать разделению МРКА на три самостоятельные епархии: для белоруссов, для ливонских и курляндских латышей и для азиатской части России; в крайнем же случае назначить белорусского, латышского и сибирского при митрополите суффраганов.

В. Ключинский напомнил министру, что после первого раздела Польши в 1772 г. под управление России перешли населенные католиками воеводства Лифляндское, Витебское, Мстиславское и в значительной части Полоцкое и Минское. Императрица Екатерина II для всех этих воеводств образовала Белорусскую епархию, новому же епископу, впоследствии архиепископу и митрополиту, С. Сестранцевичу, указом от 17 января 1782 г. был назначен в помощь суффраган И. Бениславский, с местопребыванием в г. Полоцке. указом же императора Павла I от 28 апреля 1798 г. были образованы две новые суффрагании – Лифляндская и Могилевская. Тогда же азиатская часть России не была населена католиками-переселенцами. Если в те времена, при сравнительно благоприятных для МРКА условиях, понадобились три суффрагана, то в настоящем, резюмировал В. Ключинский, необходимы три епархии в МРКА.

В. Ключинский заверил министра внутренних дел, что вопрос о разделении МРКА имеет принципиальное значение, поскольку от его благополучного разрешения во многом зависело благополучное течение общественной и религиозной жизни среди населявших архиепархию католиков, урегулирование национальных страстей и раздоров, а правительство, избавившись от излишних хлопот и пререканий, найдет тем самым облегчение в государственной домостроительной работе [10, л. 2-4].

Не находя полезным устройство новой Сибирской епархии с включением в ее состав всех азиатских владений по Уральский хребет и с местопребыванием епископа и консистории в г. Томске, министр внутренних дел А. А. Макаров не мог в то же время не признать, что открытие новой епископской кафедры имело бы несравненно большее значение для Ватикана, чем для правительства Российской импе-

рии. Пожелания Римской курии об учреждении этой епископии уже давно высказывались ею еще в 1896 г. на особом совещании в г. Москве во время коронационных торжеств в присутствии папского нунция кардинала Аллиарди и тогда служили предметом всестороннего обсуждения. Поэтому А. А. Макаров находил вполне справедливым обусловить создание новой епархии предъявлением Римской курии некоторых требований, к числу которых он находил желательным отнести следующие:

- 1) совершение дополнительного богослужения и катехизации в приходах азиатской части Российской империи, а также в пяти «Белорусских» губерниях на русском языке;
- 2) замещение проектируемой епископской кафедры в Сибири лицом не польского происхождения;
- 3) назначение виленским р.-к. епископом литовца.

Сообщая свои соображения министру иностранных дел, А. А. Макаров просил поручить посланнику при Папе Римском выяснить частным образом взгляды Римской курии по вопросу об учреждении, на приведенных выше основаниях, самостоятельной р.-к. кафедры для азиатской части Российской империи.

Обращаясь 12 июля 1912 г. к рассмотрению ходатайства митрополита В. Ключинского по существу, министр внутренних дел А. А. Макаров считал необходимым остановиться прежде всего на вопросе об учреждении Белорусской и Латышской р.-к. епархий. По его мнению, образование таковых епархий не вызывалось в достаточной степени ни религиозными потребностями, ни национальными интересами местного р.-к. населения, так как, живя сплошной массой в северо-западной полосе Российской империи, белорусы и латыши Могилёвской р.-к. архиепархии в области удовлетворения своих религиозных потребностей находились в условиях почти аналогичных с белорусами и литовцами смежных Тельшевской и Виленской р.-к. епархий, рассеянным по всему юго-востоку России. В национальном же отношении проектируемые епархии нисколько не объединили бы белорусов и латышей, так как и те, и другие населяли ещё и территории Виленской и Тельшевской р.-к. епархий. Если бы даже образованием указанных епархий и было достигнуто желаемое митрополитом Ключинским объединение названных национальностей, то таковое объединение на р.-к. религиозной почве отдельных национальных групп, национальное самосознание которых в достаточной степени еще не определилось, едва ли соответствовало бы видам национальной политики.

С другой стороны, необходимо было иметь в виду, что образование указанных епархий могло бы явиться нежелательным прецедентом для возникновения, по мотивам собственно национального свойства, других самостоятельных епархий. А так как, по заявлению самого митрополита Ключинского, проживавшие в его архиепархии семь народностей р.-к. исповедания, не считая иностранцев, «в религиозной области усиленно добиваются особых для себя прав и преимуществ», то с образованием Белорусской и Латышской епархий несомненно возникли бы аналогичные домогательства и со стороны остальных народностей. Между тем увеличение в пределах Российской империи католических центров, в виде новых епархий, помимо существовавших, совершенно не соответствовало бы государственным интересам империи, так как Римский двор несомненно приобрел бы новых весьма ревностных проводников своего духовного и даже политического влияния на местное р.-к. население к распространению католичества среди православных и к колонизации русских народностей Северо и Юго-Западного края.

Приходилось также считаться и с теми финансовыми затруднениями, которые неизбежно возникли бы при учреждении и содержании новых р.-к. епархий. Однозначно, по мнению министра внутренних дел, образование новых епархий не выделило бы в их составе отдельных народностей, так как поселения различных национальностей не были расположены в одной определённой местности, а между собой перемешались и даже в одном приходе встречались католики различных национальностей, а между тем национальные страсти обострялись именно в этих приходах. Успокоению же этих страстей могло бы содействовать не учреждение новых р.-к. епархий, а справедливое отношение высшей р.-к. иерархии к национальным запросам католиков не польских народностей.

Что же касалось вопроса об учреждении должностей епископов-суффраганов, то и это ходатайство министр затруднялся разрешить в положительном смысле. С формальной стороны удовлетворение этого ходатайства в отношении трех суффраганов не требовало бы издания законодательного акта, так как должности суффраганов моголевского, полоцкого и ливонского были учреждены еще именным высочайшим указом Пр. Сенату 28 апреля 1798 г., а так как должность моголевского епископа-суффрагана была уже замещена, то удовлетворение возбужденного митрополитом В. Ключинским ходатайства сводилось бы лишь к замещению двух суффраганских вакансий. Замещения эти признавались нежелательными по тем причинам, по которым означенные должности оставались вакантными. Ещё в 70-гг. XIX в., когда по возобновлению отношений с Римской курией возникли переговоры о назначении епископов на вакантные кафедры, Римский двор возбудил вопрос о замещении всех епископских и суффраганских должностей в количестве, определённом по конкордату 1847 г. Вопрос этот, в числе прочих, был передан на обсуждение образованного в 1878 г., по высочайшему повелению, особого совещания под председательством генерал-адъютанта Милютина. Совещание это, приняв во внимание, что со времени заключения упомянутого конкордата и до его расторжения в действительности не было полного числа суффраганов, признало их «бесполезными и не безвредными» [10, л. 5–12].

18 июня 1913 г. за № 56886 к министру внутренних дел было препровождено всеподданнейшее прошение проживающих в Минской губернии лиц р.-к. вероисповедания дворянина Бронислава Герловича, Александра Лазовского и др. по делу об учреждении в названной губернии самостоятельной кафедры р.-к. епископа с жительство в г. Минске. В прошении, датированном 31 января 1913 г., содержался краткий исторический очерк существования Минской р.-к. епархии (далее МРКЕ), а также напоминание о том, что в январе 1909 г. просители уже ходатайствовали перед Советом министров Российской империи о восстановлении МРКЕ в прежнем составе. Однако, через настоятелей костелов им было объявлено, что их просьба отклонена. В качестве основной причины указывалась значительная отдалённость г. Санкт-Петербурга от расположения МРКЕ. Вследствие этого епархия находилась в расстройстве: не было единства в исполнении религиозных практик, не было надлежащей церковной юрисдикции, не выполнялись некоторые обряды и таинства, не подготавливались для местных потребностей лица к духовному званию, а по неудовлетворенности воспитания в религиозно-нравственном отношении падало среди населения благочестие и христианская нравственность. В виду предстоящих торжеств трёхсотлетнего царствования Дома Романовых, католики МРКЕ просили назначить для епархии епископа по штатам, установленным указом от 28 апреля 1798 г. Прощение подписали чуть более 200 человек [11, л. 1–10].

Стоит отметить также, что еще 29 апреля 1907 г. произошло собрание католиков в доме К. Борисовича (г. Минск). Инициативная группа (К. Борисович, К. Петрайтис, Ю. Райкевич, З. Свянцицкий, Ю. Мицкевич, Н. Станевич, Г. Ельская и др.), избранная из жителей Минщины обратилась к могилевскому архиепископу с уведомлением о начале своей деятельности и целях. Но их ходатайство не было представлено к обсуждению в Совете министров, по причине отсутствия, по мнению министра внутренних дел, каких-либо оснований для признания его заслуживающим уважения [12, с. 24–25]. Ходатайства однородного содержания возбуждались также прихожанами Логойского костела в 1908 г., Докшицкого костела в 1909 г. [11, л. 11]. Следует отметить, что могилевский архиепископ митрополит В. Ключинский в своем циркуляре, от 12 июля 1910 г., отчетливо разделял духовенство МРКА и МРКЕ [13, л. 51].

Как известно, МРКЕ по высочайшему повелению 14 августа 1869 г., без согласия Римского двора, была упразднена с оставлением в составе ВРКЕ, по причине малочисленности р.-к. населения означенной епархии и вреда таковой для дела православия и русской народности, а также удобства слияния обеих епархий в виду их географического положения. МРКЕ оставалась в составе ВРКЕ до 1883 г., а после, на основании соглашения с Римской курией, высочайшим указом 16 апреля 1883 г. была подчинена ведению митрополита р.-к. церковью в Российской империи. В основание такого изменения положения МРКЕ было принято то соображение, что р.-к. население Минской губернии составляли в подавляющем большинстве белорусы, тогда как католическое население ВРКЕ – поляки и литовцы, причём самое направление р.-к. духовенства в ВРКЕ, получавшего воспитание в виленской р.-к. епархиальной семинарии и происходившего преимущественно из коренных поляков и литовцев не соответствовало стремлениям правительства. Находя со своей стороны поводов к удовлетворению изложенного ходатайства, 7 сентября 1913 г. главноуправляющий канцелярией его императорского величества Е. В. Менкин возвратил его к минскому губернатору А.Ф. Гирсу, с просьбой о собственном заключении по данному вопросу [11, л. 11–11 об.].

29 сентября 1913 г. А. Ф. Гирс полностью согласился с мнением Е. В. Менкина, находя учреждение в г. Минске самостоятельной р.-к. епархии совершенно недопустимым с точки зрения государственных интересов, а существовавшее управление МРКА вполне целесообразным. 26 октября 1913 г. товарищ министра внутренних дел Н. Золотарёв, признав со своей стороны переданное ему Е. В. Менкиным ходатайство не подлежащим удовлетворению, просил минского губернатора поставить об этом в известность просителей [11, л. 12–13].

В октябре 1913 г. минский губернатор получил три официальные бумаги настоятелей Минского кафедрального костела кс. Ягелловича и Раковского приходского костела кс. Карповича за № 2275, 2280 и 1064, а также два официальных отношения настоятеля Серафинского приходского костела кс. Ивановского за № 258 и администратора Волкевичского костела кс. Зельбо за № 612, составленных на бланках с надписью: «Минская Епархия», что было воспринято губернатором как свидетельство о начавшемся с их стороны самовольном осуществлении восстановления МРКЕ. В своём отзыве к минскому губернатору А. Ф. Гирсу директор ДДДИИ 29 декабря 1913 г. отметил, что в подлинном тексте соглашения указано, что «на митрополита будет возложено апостольское управление Минской епархией». На этом основании в р.-к. епархиальных календарях (рубрицелли) названный митрополит именовался администратором Минской епархии и через ДДДИИ митрополиту передавались акты Апостольского Престола с дарованием властей по управлению Минской епархией. Таким образом, хотя в имевшемся в действовавшем законе (ст. 16 Уст. ин. исп.) перечне р.-к. епархий Российской империи МРКЕ и не значилась, однако, МВД вынуждено было признать, что епархия эта канонически никогда не упразднялась и продолжала существовать с ведома правительства. По докладу этого дела министру внутренних дел, в виду приведённых данных, последний затруднился принимать какие-либо меры по настоящему делу [11, л. 20–23].

4 марта 1917 г. управляющий МРКА И. Цепляк в циркуляре за № 1378, адресованном р.-к. духовенству МРКА и МРКЕ, призвал духовенство и всех католиков «подчиниться Временному правительству, сплотиться всецело в дружной работе для общего блага и вознести к Богу мольбы о даровании помощи и света свыше всем нам и, в особенности, всем тем, на долю которых выпало вывести Россию на новый путь» [14, л. 206]. После долгих лет безбожья Россия, по словам И. Цепляка, вступала на новый путь свободы, счастья и процветания. Управляющий МРКА выразил полную уверенность, что Временное правительство обеспечит настоящую свободу совести в стране, а у католиков наконец то будут настоящие гражданские права. Данное воззвание И. Цепляка следовало объявить народу в костелах и каплицах на родном его языке в ближайший по получении воскресный или праздничный день и тогда же совершить торжественное богослужение при выставлении святых даров и пением гимна к Божьей Матери [14, л. 206].

Возвещенные Временным правительством начала вероисповедной свободы вызвали необходимость согласования с действовавшими в стране по делам веры законоположениями. Для выполнения указанной задачи при МВД были образованы, под председательством комиссара Временного правительства профессора С.А. Котляревского, Особое совещание по вопросам, общим для всех исповеданий, и специальная Комиссия по пересмотру законодательства, определявшего положение РКЦ в Российской империи. В порядке постепенности было предложено образовывать такие комиссии отдельно по каждому из остальных инославных и иноверных исповеданий.

В состав Комиссии по делам РКЦ приглашены были представители р.-к. духовенства, с Виленским р.-к. епископом бароном фон Роппом и управляющим Могилевской р.-к. архиепархией епископом И. Цепляком во главе, некоторые члены законодательных палат, представители ведомств православного исповедания, военного, министерства юстиции, внутренних и иностранных дел, народного просвещения, представители науки, общественные деятели и другие лица, известные своими познаниями в области вероисповедных вопросов.

Приступив к занятиям 5 мая 1917 г., Комиссия прежде всего нашла необходимым определить точным образом объем и основные начала, а также наметить план предстоящих ей к выполнению задач.

Разработка законодательных норм, которые разрешали бы основные вопросы об отношении государства к отдельным исповеданиям, подлежала, по мнению Комиссии, ведению имевшегося быть созванным Учредительного собрания. Равным образом к кругу занятий Комиссии не мог быть отнесен пересмотр узаконений, общих для всех исповеданий, каковая задача возлагалась на упомянутое выше Особое совещание. За выделением этих двух областей, все остальные законоположения о РКЦ в России Комиссия признала подлежащими ее пересмотру.

Обращаясь к установлению принципов, которые надлежало бы положить в основу предстоящих работ, Комиссия не могла не отметить, что действовавшее законодательство о РКЦ было проникнуто ограничительными началами, обусловленными в значительной мере соображениями национально-политического характера. В новых условиях государственной жизни страны такие соображения, очевидно, не могли иметь места. Вместе с тем, естественным последствием возвещенных начал вероисповедной свободы являлось признание за РКЦ права на самоуправление в области внутренней церковной жизни. Исходя из приведенных предпосылок Комиссия и подвергала пересмотру действовавшие о РКЦ в Российской империи законоположения [15, л. 103–103 об.].

Учреждение новых р.-к. приходов в епархиях, а равно разделение уже существовавших, по силе действовавшего законодательства (ст. 20 Уст. ин. исп.), было подчинено регламентации правительственной власти, в лице МВД. В новых условиях религиозной жизни страны дела указанного рода, по мнению Комиссии, должны были предоставляться исключительно р.-к. духовной власти с тем, чтобы о последовавших распоряжениях она лишь доводила до сведения местных гражданских властей [15, л. 106].

Наряду с вопросом о порядке замещения духовных должностей, связанных с управлением епархиями, Комиссия не оставила также без внимания и вопрос о правах Апостольского Престола в деле учреждения в Российской империи новых р.-к. епархий. По этому вопросу в действовавшем законе (ст. 16 Уст. ин. исп.), который ограничивался лишь перечислением существовавших в пределах государства р.-к. епархий, не содержалось каких-либо указаний. Такой пробел в законе, по мнению Комиссии, подлежал бы устранению тем более, что осуществление начал вероисповедной свободы могло вызвать необходимость увеличения наличного количества епархий. В этих видах Комиссия признала соответственным постановить, что учреждение в пределах государства новых р.-к. епархий, поскольку это не было связано с расходами из средств государственного казначейства, а равно присвоение им тех или иных наименований, зависит от власти Апостольского Престола [15, л. 110].

Результатом работы особого совещания и комиссии, приступивших к занятиям ещё в первых числах мая 1917 г. явилось составление законопроектов: «О свободе совести и об изменении действующего законодательства по делам р.-к. церкви в России», внесенных 10 июня 1917 г. на уважение Временного правительства [16, л. 131].

Вследствие произошедших в 1917 г. событий, 14 декабря генеральным викарием МРКЕ был назначен Эдвард О'Рурке, который с мая 1917 г. находился в границах МРКЕ по личным делам. В авгу-

сте 1917 г. моголевский архиепископ поручил ему выяснить возможность ее возобновления. 28 июля 1918 г. в сан минского епископа бывшим митрополитом А. Каковским в архикафедральном костеле св. Яна в г. Варшаве был возведен З. Лазинский. 29 сентября 1918 г. Э. О'Рурке был назначен рижским епископом [12, с. 25]. МРКДКон была упразднена согласно решению архиепископа в 1918 г.

Закключение. Политика правительства Российской империи была направлена на кардинальное решение проблемы католицизма на территории северо-западных губерний империи. В правовом отношении РКЦ в Российской империи, вследствие нескольких десятилетий законодательства, оказалась выведена из-под непосредственного контроля Св. Престола и включена в российскую правовую систему, что означало фактическую ликвидацию автономности данной структуры, рост зависимости ее от светской власти. В свою очередь, р.-к. духовенство, паства не оставляли своих попыток в стремлении обеспечить большую самостоятельность в делах РКЦ. Произошедшие в 1917 г. события были более благоприятны для РКЦ, сумевшей отстоять традиционные для нее направления деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Яноўская, В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. / В.В. Яноўская. – Мінск : БДУ, 2002. – 199 с.
- 2 Тихонов, А.К. Власти и католическое население России в XVIII – XIX веках / А.К. Тихонов // Вопросы истории. – 2004. – № 3. – С. 140–146.
- 3 О проекте упразднения Виленской римско-католической епархии (25 марта 1902 г. – 20 сентября 1911 г.) // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). – Ф. 821. Оп. 138. Д. 47. 13 л.
- 4 Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской Империи / подгот. текста, вступ. ст., коммент.: А.В. Лихоманов. – СПб. : РНБ, 2009. – 228 с.,
- 5 Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIV. 1904. Отдѣление I. Отъ № 23839–25604 и Дополнения. – СПб., 1907. – 1257 с.
- 6 Католическая церковь накануне революции 1917 года: сб. док. / сост. и отв. ред. М. Радван. – Люблин : Науч. общ-во Католического ун-та в Люблине, 2003. – 673 с.
- 7 Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. 1905. Отдѣление I. Отъ № 25605–27172 и Дополнения. – СПб., 1908. – 966 с.
- 8 Дело о разрешении употребления польского языка в официальной переписке римско-католического духовенства в Царстве Польском (1–30 ноября 1906) // РГИА. – Ф. 1276. Оп. 2. 16 л.
- 9 Докладная записка о положении римско-католической церкви, составленная Моголевским епископом и ответ МВД (27 августа 1911 г.) // Lietuvos Valstybes istorijos archyvas. – F. 696. Ap. 2. V. 360. 39 l.
- 10 По ходатайству митрополита р.-к. церковей о разделении Моголевской архиепархии (28 июня 1912 г. – 31 июля 1912 г.) // РГИА. – Ф. 821. Оп. 128. Д. 736. 42 л.
- 11 О разделении Моголевской архиепархии на несколько самостоятельных епархий (27 июня 1913 г. – 25 октября 1913 г.) // РГИА. – Ф. 821. Оп. 128. Д. 737. 26 л.
- 12 Антановіч, З.В. Архівы Магілеўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторый: гісторыя, структура, склад дакументаў (1782–1918 гг.) / З.В. Антановіч. – Мінск : Экоперспектива, 224 с.
- 13 Указы и циркуляры Моголевской римско-католической духовной консистории и руководителя Моголевской архиепархии (1901–1917 гг.) // Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). – Ф. 1781. Оп. 28. Д. 9. 206 л.
- 14 Ведомости о количестве лиц римско-католического вероисповедания в Минской губ. (1863 г.) // НИАБ. – Ф. 1781. Оп. 32. Д. 109. 24 л.
- 15 Об изменении законодательства по делам р.-к. церковей в России (5 мая 1917 г. – 5 октября 1917 г.) // РГИА. – Ф. 821. Оп. 128. Д. 1741. 172 л.
- 16 О созыве особой комиссии для пересмотра действующих законоположений по делам р.-к. церковей в России и о разработанном этой комиссией законопроекте (26 апреля 1917 г. – сентябрь 1917 г.) // РГИА. – Ф. 821. Оп. 128. Д. 1740. 234 л.

Поступила 10.09.2018

ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION OF THE ROMAN CATHOLIC CHURCH IN THE RUSSIAN EMPIRE: PLANS AND REALITIES (EARLY XX CENTURY)

A. HANCHAR

The questions of administrative-territorial structure of the Roman Catholic Church in the territory of the Russian Empire on the basis of new archival data are considered. It is noted that the Roman Catholic clergy (higher and lower), as well as government officials, have repeatedly attempted to change the boundaries of the Roman Catholic dioceses, but for various reasons, the situation has not changed significantly. The issue of the resumption of the activity of the Minsk Roman Catholic diocese is highlighted.

Keywords: Roman Catholic, Church, diocese, Bishop, clergy, Russian Empire, territory, law.